

АЛЕКСАНДРЪ ЯРОСЛАВИЧЪ НЕВСКІЙ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ и ВСЕЙ РУСИ.

Историко-біографическій очеркъ.

Александръ Невскій, сопричтенный православной церковью къ лику святыхъ, занимаетъ дѣйствительно видное мѣсто въ ряду самыхъ крупныхъ личностей Русской Исторіи. Имя его, не только гремѣвшее на Руси XIII вѣка, но извѣстное тогда и въ странахъ отдаленныхъ, перешло къ потомству прочно и, въ обстановкѣ подвиговъ святаго князя, сдѣлалось именемъ одного изъ любимыхъ героевъ народныхъ преданій. Подвиги Александра тѣмъ ярче, знаменитѣе и народнѣе, что они чужды себялюбія, въ большей или меньшей степени, свойственнаго дѣятельности другихъ, исторически-замѣчательныхъ, государей русскихъ. Александръ, по общогласному свидѣтельству лѣтописцевъ, много тружившися за землю русскую, и за Новгородъ и за Псковъ и за все великое княженіе животь свой отдавая, и за правобѣрную вѣру», «за православное христіанство»²⁾. Мудрено ли, что русская земля помнитъ святаго «страдальца» за нее, а современники Александра Невского, проникнутые очевидно неподдѣльными чувствами любви, благодарности и удивленія къ нему, сравниваютъ своего героя и съ Александромъ Македонскимъ и съ Ахиллесомъ³⁾.

Александръ, именуемый Невскимъ, второй сынъ Ярослава II Всеволодовича, великаго князя кіево-владимірскаго и всей Руси, родился 30 мая⁴⁾ 1220 г.⁵⁾ въ Переславѣ-Залѣсскомъ, гдѣ его отецъ жилъ тогда удѣльнымъ княземъ. Матерью Александра была Ростислава-Феодосія Мстиславовна, вторая⁶⁾ жена Ярослава II, дочь Мстислава Мстиславича, знаменитаго князя галицкаго и новгородскаго, савушцаго въ лѣтописяхъ *Удалымъ* или *Удалымъ*, также *Храбрымъ*⁷⁾.

Сій князь Олександръ бѣ побѣждалъ, а не побѣдима.

Продолжатель Нестора.¹⁾

О самомъ раннемъ дѣтствѣ Александра никакихъ лѣтописныхъ извѣстій нѣтъ. Можно, впрочемъ, предположить съ достовѣрностью, что дѣтство это принадлежитъ не одному Переславлю. Такъ, уже въ 1223 г., видимъ Ярослава, отца 3-хъ-лѣтняго тогда Александра, переѣзжающимъ изъ Переслава, разумѣется, со всей семьей, на княженіе въ Новгородъ, — откуда однако Ярославъ, поссорившійся съ новгородцами, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился домой. А въ 1225 г., онъ былъ приз-

скаго и всей Руси, родился 30 мая⁴⁾ 1220 г.⁵⁾ въ Переславѣ-Залѣсскомъ, гдѣ его отецъ жилъ тогда удѣльнымъ княземъ. Матерью Александра была Ростислава-Феодосія Мстиславовна, вторая⁶⁾ жена Ярослава II, дочь Мстислава Мстиславича, знаменитаго князя галицкаго и новгородскаго, савушцаго въ лѣтописяхъ *Удалымъ* или *Удалымъ*, также *Храбрымъ*⁷⁾.

¹⁾ Татищевъ: Исторія руссiйская съ древнѣйшихъ временъ (до 1463 г.). Изд. 1768—1784. кн. III, с. 423.

²⁾ По крайней мѣрѣ, не раньше этого года, такъ какъ старшій сынъ Ярослава II, Федоръ, родился, по свидѣтельству лѣтописей, въ 1219 г.

³⁾ Нѣкоторые считаютъ ее третьей женой Ярослава II, бывшаго въ первомъ бракѣ съ княжной половецкой, неизвѣстной по имени. Но лѣтописи говорятъ только о двухъ женитьбахъ Ярослава, въ 1206 и 1214 г. А лѣтописецъ Переславлѣ Суздальскаго (изд. 1851. Предисл. с. III) указываетъ на большое потомство Ярослава II именно отъ матери Александра Невского.

⁴⁾ Этого Мстислава храбраго не должно смѣшивать съ другимъ того же прозвища, его отцомъ, Мстиславомъ Ростиславичемъ, княземъ новгородскимъ, причтеннымъ православной церковью къ лику святыхъ.

¹⁾ Лаврент. Лѣтоп. с. 205. Подл. Соб. Рус. Лѣт. Изд. 1846. т. I.

²⁾ Русская лѣтопись съ Воскресенскаго глинска. Изд. 1793. — Лѣтописецъ Новгородскій. Изд. 1781 г. с. 148.

³⁾ Временникъ (Софійскій) или Русская Лѣтопись съ 862 по 1534. Изд. 1820. ч. I, с. 273.

ванъ снова на княженіе тѣми же Новгородцами, «характеръ которыхъ—замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ историковъ—отличался живостію и измѣнчивостію»⁸⁾. Здѣсь, въ Новгородѣ, Александръ достигнулъ отрочества и, вѣроятно, подвергнутъ обряду *постриговъ*, который, изъ княжескомъ быту того времени, совершался, какъ кажется, неупустительно и состоялъ въ томъ, что ребенка-княжича, иногда 4-хъ лѣтняго, послѣ извѣстнаго молитвословія надъ нимъ въ храмѣ, торжественно сажали на коня и опоясывали мечемъ. Къ этому же періоду должно отнести и начало грамотности Александра, между тогдашними князьями уже на столько распространенной, что составителямъ «Житія» Александра не стоило бы вводить, особенно для восхваленія святаго князя, такую фразу: «родивше, родители его (Александра) паки второе породили и святымъ крещеніемъ, и святымъ книгамъ научили его»⁹⁾. Гораздо лучше было бы составителямъ сказаннаго «Житія» пояснить фактами и другую свою же фразу, безъ такого объясненія—голословную, что Александръ «отъ юна возраста и отъ младыхъ ногтей всякому дѣлу благу наученъ бывъ»¹⁰⁾. Не придавая значенія подобнымъ фразамъ, мы однако не можемъ отвергнуть, чтобъ ребенокъ-княжичъ вообще, стало быть и Александръ, одновременно съ началомъ грамотности, даже раньше того, не получалъ и первыхъ зачатковъ развитія нравственнаго, тогда своеобразнаго, пожалуй, односторонняго, но все таки—развитія. Эта сторона образованія ограничивалась семьей—и исчерпывалась преподаваніемъ княжичу, въ смыслѣ примѣра, подвиговъ, добродѣтелей и важнѣйшихъ событій жизни только его предковъ. Чтобъ понять такую особенность, надо всмотрѣться въ миросозерцаніе русскихъ людей удѣльнаго періода, среди которыхъ родился и росъ Александръ, будущій Невскій. «Семья—говоритъ одинъ изъ исследователей этого періода—была для нихъ богѣе, чѣмъ жизнь: она храмъ, святыня. Для нея благо міра, для нея всѣ силы, всѣ помыслы, для нея молитвы, вся жизнь. Чувство семейное двигаетъ всеми дѣлами періода удѣловъ; оно говорило въ князьяхъ, въ дружинахъ, въ народѣ. Въ этомъ чувствѣ мѣръ, нѣтъ ни войны, ни тревогъ»¹¹⁾. И княжичъ Александръ, воспринимая первыя впечатлѣнія въ лонѣ такой семьи, слушалъ, съ живымъ любопытствомъ ребенка, безыскусственную повѣсть о своихъ предкахъ, изъ которыхъ, напр., дѣдъ его по отцу, Всеволодъ III Юрьевичъ Большое-Гнѣздо, великій

князь владиміро-суздальскій и всей Руси, умершій лѣтъ за восемь до рожденія Александра, «не токмо—говоритъ лѣтописецъ—единой суздальской земли *заступникъ* бѣ, но и всѣмъ странамъ землѣ роусьскыя, и новгородской, и муромской»¹²⁾. Кто знаетъ, не оставался ли этотъ примѣръ дѣда завѣтомъ и для внука.

На сцену историческаго дѣйствія будущій Невскій выступаетъ впервые въ 1228 г., когда Ярославъ, отецъ его, влѣдствіе неладовъ съ Псковомъ, братомъ Новгороду, уѣхалъ съ своей княгиней, въ Переславль, оставивъ въ Новгородѣ двухъ старшихъ сыновей, Федора и Александра, обоихъ подъ надзоромъ вельможи Федора Даниловича и тиуна Іоакима. Отроки-князья, въ отсутствіе родителей, видѣли мало радости: «Той же осени—повѣствуетъ лѣтописецъ—наде дѣжгъ (дождь) великъ день и ночь, на Госпожинъ день (15 августа) или и до Никуліина дня (6 декабря) не видѣли свѣтла дни; ни сѣна людемъ бѣше лѣзъ добыти, ни нивъ дѣлати». Къ этому естественному бѣдствію присоединилось и политическое: вольнолюбивый Новгородъ всталъ мятежемъ, выгналъ архіепископа, разграбилъ дома своихъ бояръ и, отъ имени вѣча, послалъ къ Ярославу гонца съ разными требованіями. Но Ярославъ медлил отвѣтомъ, а Новгородъ продолжалъ бушевать—и оба княжича, сыновья Ярославовы, были увезены изъ Новгорода своими дѣлками тайно, ночью, уже на первой недѣлѣ поста 1229 г. Узнавъ объ этомъ побѣгѣ, Новгородцы говорили: «дажъ что зло съдумавъ на святую Софію, а побѣгъ, а мы ихъ не гонили, изъ братью свою есме казнили, а князю есме зла не створили ни котораго же; да оно имъ Богъ и крестъ честныи; а мы собѣ князя промыслимъ»¹³⁾. Не дальше однако, какъ въ слѣдующемъ же 1230 г., Новгородцы, разсорившись съ новымъ княземъ своимъ, Михаиломъ черниговскимъ (впослѣдствіи святой), воспользовались отъѣздомъ его къ Чернигову, подняли усобицу—и призвали къ себѣ опять Ярослава, который и явился къ нимъ, съ сыновьями Федоромъ и Александромъ, 30 декабря. Но въ половинѣ января 1231 г. Ярославъ возвратился въ Переславль, собирать полки на Михаила черниговскаго, а оба княжича, по прежнему, остались въ Новгородѣ и тутъ, съ наступленіемъ весны, были очевидцами страшнаго бѣдствія, голода, какого Новгородъ и не запомнилъ: «Что глаголати бывшей на насъ отъ бога казни? восклицаетъ лѣтописецъ; яко ниин простая чадъ рѣзяху люди живыи и ядаху, а ниин мѣртвая мяса и труніе обрѣзаяще ядаху, а друзи конину, псину, кошки... ниин же мѣхъ (мохъ) ядаху, ушь (лыки), сосну, кору липову и листь ильмъ, кто что замысли. А ниин паки злии челоувѣци почаша добрыхъ люди домъ зажигати, кдѣ чююче рождъ, и тако

⁸⁾ Костомаровъ: Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно вѣчеваго уклада. Изд. 1863. ч. I, с. 102.

⁹⁾ «Житіе св. Александра», рукопись въ библиотекѣ С.-Петербургской духовной Академіи. Ж 273.

¹⁰⁾ Тамъ же.

¹¹⁾ Пассекъ: Общій очеркъ періода удѣловъ. Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1868. Кн. III. отд. I, с. 6.

¹²⁾ Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго. Изд. 1851. с. 110.

¹³⁾ Новгородская первая лѣтопись, с. 44. Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. III. Изд. 1841.

разграбливахуть имѣніе ихъ... а видяще предъ очима нашимъ гнѣвъ божій: мѣртвѣцы по улицамъ и по тѣргу и по мосту по великому, отъ пьсь и изъѣдаемы, оже не можашу погребати... братъ брату не съжалашеться, ни отецъ сынови, ни мати дѣчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣбо; не бысть милости межи нами, нѣ быше туга и печаль. на улицы скѣрбь другъ съ другомъ, дома тѣска, зряще дѣтии плачуще хлѣба, а другая умирающа.. и даяху отци и матери дѣти свое одѣренъ (закладъ), изъ хлѣба, гостѣмъ (купцамъ)»¹⁴⁾. Такое зрѣлище, надо полагать, оставило свой слѣдъ въ памяти сердца 11-ти лѣтняго Александра, которому суждено было, еще черезъ два года, извѣдать горе болѣе личное, слѣдственно, болѣе тяжкое: старшій братъ его Феодоръ, съ Александромъ до сихъ поръ неразлучный, сдѣлавъ, по приказанію св. великаго князя Юрія II, роднаго дяди своего, походъ на Мордву, изготовился вступитъ въ бракъ съ невѣстой, уже приведенной къ жеппху, и—умеръ внезапно, въ Новгородѣ, 5 іюня 1233 г.¹⁵⁾ Въ слѣдующемъ 1234 г. Александръ былъ свидѣтелемъ выступленія отца своего изъ Новгорода къ Дерпту, на ливонскихъ рыцарей, а оттуда къ Старой Русѣ и дальше, въ Торопецъ, на Литовцевъ, грабившихъ русскіе предѣлы,—по поводу чего неизвѣстный описатель жизни Александра не оставляетъ замѣтить, что «промыслу Божию, казалось, угодно было предварительно открыть будущему защитнику новгорода и всей земли русской въ и внутренній неустройства, и внѣшнія опасности край, гдѣ ему надлежало впоследствии дѣйствовать»¹⁶⁾. Начало этого «дѣйствія» можно отнести къ 1236 г., подъ которымъ въ лѣтописи отмѣчено: «Поиде Ярославъ изъ Новгорода Кіеву на столъ, а въ Новгородѣ посади сына своего Александра»¹⁷⁾. Съ Александромъ осталась въ Новгородѣ и мать его, княгиня Ростислава Феодосія¹⁸⁾.

Сдѣлавшись, такимъ образомъ, княземъ новгородскимъ, безъ наслѣдственныхъ владѣній гдѣ либо и безъ всякой военной или другой поддержки со стороны отца, которому въ Кіевѣ было уже не до Новгорода, 16-ти лѣтній Александръ приобрѣталъ самостоятельность трудную и, въ сторонѣ отъ Владиміра и Кіева, этихъ двухъ узловъ тогдашней русской государственности, предоставлялся средствамъ собственно новгородскимъ. Средства эти, положимъ, были; и Новгородцы, тогда уже богатые, если и видѣли въ Александрѣ сына Ярослава, для

нихъ тяжелаго, то видѣли въ немъ также внука Мѣстислава галичскаго, память котораго была дорога для Новгорода, привыкнущаго къ тому же считать и самого Александра какъ бы своимъ вскормленникомъ. Совѣтъ тѣмъ Новгороду, лишенному теперь низоваго подпора, предстояла неизбежная борьба съ его естественными врагами и сосѣдями, Нѣмцами и Литовцами, которые, напротивъ, къ этому времени усилились: Ливонцы слились съ воинственнымъ нѣмецкимъ орденомъ св. Маріи. Шведы окрѣпили побѣдами своего знаменитаго полководца Биргера, а Литовцы, опасные и прежде, въ 1237 г. одержали важную побѣду надъ соединенными силами Ливонцевъ и Псковитянъ¹⁹⁾. Но еще раньше вступленія въ борьбу съ Нѣмцами и Литвой, Александру пришлось извѣдать всю тягость ожиданія другой борьбы—съ Татарами, роковое имя которыхъ, не слышное со временъ несчастнаго пораженія русскихъ князей на р. Калкѣ, въ 1224 г., уже наполняло снова ужасомъ землю русскую. Свирѣпый Батый, двинувшись отъ степей при-тибетскихъ, вторгнулся въ Европу, испепелилъ Великій городъ, столицу царства болгарскаго на Волгѣ; въ декабрь 1237 г. взялъ приступомъ Рязань, при чемъ всю область рязанскую, по выраженію краснорѣчиваго Исторіографа, обратилъ «въ неизмѣримое кладбище»²⁰⁾: въ февралѣ 1238 г. разорилъ Владиміръ и истребилъ всѣхъ жителей въ Суздаля, а въ мартѣ разбилъ, на р. Сити, св. Юрія II Всеволодовича, великаго князя владимірскаго, тутъ же положившаго свою голову, и быстро шель къ предѣламъ новгородскимъ, въ которыхъ, послѣ двухъ недѣльной жестокой осады, овладѣлъ Торжкомъ, откуда приближался уже, Селигерскимъ путемъ, къ самому Новгороду, опустошая все по дорогѣ и «людей сѣкуще аки траву»²¹⁾. Въ Новгородѣ—гдѣ, по сказанію лѣтописца, «койже (каждый) бѣ въ недоумѣніи и страхѣ»²²⁾—бодрствовалъ Александръ, ожидая помощи—разъ выше. Къ счастью его, Татары, храбрые только въ широкой степи да въ чистомъ полѣ, чувствовали себя не совсѣмъ ловко въ дремучихъ лѣсахъ новгородскихъ, а потому, не дойдя всего ста верстъ до Новгорода, отъ такъ называвшагося Бреста Игнатова, повернули къ Козельску—событіе, которое, по понятіямъ того времени, объяснено лѣтописцемъ такъ: «Новгородъ же заступи милосердый Богъ, и святыи великій отецъ Кирилъ архіепископъ Александрійскій, и святыихъ правотѣрныхъ архіепископъ Новгородскихъ молитва, и благовѣрныхъ князей русскихъ, и преподобныхъ черноризецъ и ерѣйскаго (іерейскаго) събора; и они безбожніи въспятишася у Игнача Бреста, прогнани святымъ Кириломъ»²³⁾. Во всякомъ

¹⁴⁾ Тамъ же, с. 47.

¹⁵⁾ Тѣло князя Феодора Ярославича, погребенное первоначально въ новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, въ 1614 г. найдено нетлѣнымъ и положено св. мощами въ Рождество-Богородицкомъ придѣлѣ новгородскаго Софійскаго собора.

¹⁶⁾ Жизнь святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, въ инокествѣ Алексія. Изд. 1853, с. 23.

¹⁷⁾ Новгородская четвертая лѣтопись, с. 30. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. IV. Изд. 1848.

¹⁸⁾ «Житіе св. Александра», рукопись Спб. Дух. Акад. № 373.

¹⁹⁾ Новгородская Четвертая Лѣтопись, с. 35.

²⁰⁾ Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. III, с. 168.

²¹⁾ Новгородская Первая Лѣтопись, с. 52.

²²⁾ Временникъ (Софійскій), ч. I, с. 246.

²³⁾ Новгородская первая лѣтопись, с. 52.